

В.В. Петелин

Тальберг

В романе часто события оцениваются устами героев. О гетмане, о Петлюре, о большевиках высказываются и Турбины, и Мышлаевский, и Тальберг. Мысли и оценки их различны, непохожи, хотя они и принадлежат, казалось бы, людям одного круга. Особенно существенны расхождения в оценке событий у Тальберга с Турбинами.

Булгаков много внимания уделяет выяснению позиции Тальберга. Это антипод Турбиных. Открытые, прямодушные, честные, они душой не принимают этого карьериста. Внешне все идет нормально. Разговаривают, обедают. Но внутренне между ними огромная пропасть. Тальберг — карьерист и приспособленец, человек, лишенный моральных устоев и нравственных принципов. Ему ничего не стоит поменять свои убеждения, лишь это было бы выгодно для его карьеры. В Февральской революции он первым нацепил красный бант, принимал участие в аресте генерала Петрова. События быстро замелькали, в Городе часто менялись власти. И Тальберг не успевал разобраться в мелькавших событиях. То одно, то противоположное он принимал за истинное, подлинное, а время вносило свои коррективы. Уж на что казалось ему прочным положение гетмана, поддержанного немецкими штыками, но и это, вчера такое незыблемое, сегодня распалось, как прах. И вот Тальбергу надо бежать, спастись. Петлюра, которого он называл в газете «Вести» «авантюристом, грозящим своею опереткой гибелью краю», уж, конечно, его не пощадит.

Любимое слово Тальберга — «оперетка». Этим словом он пользовался всегда, когда нужно определить свое отношение к текущим событиям. Так, когда в ходе революционных событий 1917 года к власти пришли буржуазные националисты, поддержанные «людьми, не имеющими сапог но имеющими широкие шаровары», «Тальберг сделался раздраженным и сухо заявил, что это не то, что нужно, пошлая оперетка». А вслед за этими словами Тальберга берет слово и сам автор: «И он оказался до известной степени прав: вышла действительно оперетка, но не простая, а с большим кровопролитием. Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки, которые пришли откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве. Тальберг сказал, что те в шароварах — авантюристы, а корни в Москве, хоть эти корни и большевистские». Тальбергу хотелось служить только тем, у кого есть корни. Он уже готов был служить людям, пришедшим «откуда-то из-за лесов, с равнины, ведущей к Москве». И дальнейшие события даются с точки зрения Тальберга. Отсюда его уважение к немцам, потому что «при взгляде на них Тальберг сразу понял, где корни»: «После нескольких тяжелых ударов германских пушек под Городом московские смылись куда-то за сизые леса есть дохлятину». Во всем этом слышатся и презрительная усмешка, и снисхождение до раздумий по этому поводу, и терпеливое выжидание, и стремление уловить время, когда можно будет предложить свои услуги тем, у кого есть корни.

И опять ожидал его «большой сюрприз». Те, кого он называл авантюристами, «притащились обратно, вслед за немцами». Правда, они никого не трогали, вели себя тихо. Но все это породило растерянность в душе Тальберга. Правда, он по-прежнему говорил, «что у них нет корней», и нигде не служил, но одновременно с этим начал изучать «украинскую грамматику» с целью приспособиться к ним, сжиться с ними, извлечь выгоду. И своего часа, как ему казалось, дождался. Начал служить гетману. О московских корнях уже не вспоминал, радовался тому, что «отгорожены от кровавой московской оперетки», сердился, когда ему напоминали о былых симпатиях к «широченной красной повязке на рукаве». А сейчас, убегая из Города, он бросает свою службу в гетманском министерстве, он снова ошибся, он, оказывается, принимал участие в «глупой и пошлой» оперетке.

Прием, которым пользуется Булгаков для передачи душевного состояния Тальберга, сложен: здесь и авторские комментарии, не лишённые язвительной усмешки, здесь и непосредственно-прямая речь Тальберга, здесь и оценка его действий, мыслей, мнений со стороны окружающих лиц. Особенно важны мысли Елены.

Словечко «оперетка» — лейтмотив не только его отношения к происходящему, но это слово стало оценкой и его собственной сути. Так, Елена размышляет о нём: «Да, оперетка... Елена знала, что значит это слово на припухших прибалтийских устах. Но теперь оперетка грозила плохим, и уже не шароварам, не московским, не Ивану Ивановичу какому-нибудь, а грозила она самому Сергею Ивановичу Тальбергу. У каждого человека есть своя звезда, и недаром в средние века придворные астрологи составляли гороскопы, предсказывали будущее. О, как мудры были они! Так вот, у Тальберга, Сергея Ивановича, была неподходящая, неудачливая звезда. Тальбергу было бы хорошо, если бы все шло прямо, по одной определенной линии, но события в это время в Городе не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги, и тщетно Сергей Иванович старался угадать, что будет». Беда Тальберга не в том, что он не угадывал, а в том, что он «собирался угадать», приспособиться, словчить на смене событий, в том, что в нём не оказалось нравственного стержня, вокруг которого «вращается» вся духовная жизнь человека. Он начисто лишен понятий чести, порядочности, моральных устоев. Булгакову этот образ нужен для выявления принципиальной разницы между Тальбергом и Турбиным. Они различны по своей человеческой сути.

Вспомним один эпизод. Нет Тальберга. Елена волнуется, плачет, представляет его убитым, на каждый звонок откликается ее сердце. Вместе с ней переживают и ее братья, стараются ее успокоить, ввести в заблуждение относительно истинного положения в Городе, но когда появляется Тальберг, «Николка со старшим угасли очень быстро после первого взрыва радости». И дело не в том, что Тальберг служил гетману, которого ненавидели в этом доме, а в том, что «чуть ли не с самого дня свадьбы Елены образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно. Сух сосуд. Пожалуй, главная причина этому в двухслойных глазах капитана». И Булгаков вовсе не собирается представлять Тальберга таким чудовищем, лишенным человеческих чувств. Напротив, он испытывает нежные чувства к Елене, «простую человеческую радость от тепла, света и безопасности», проявляет находчивость и мужество при столкновении с «разложившимися сердюками», умение владеть своими чувствами и замыслами. Не все человеческие качества вытекли из души Тальберга. Объясняться с Еленой Тальбергу было трудно. «И даже свою вечную патентованную улыбку он убрал с лица. Оно постарело, и в каждой точке была совершенно решенная дума». Тальберг убегал от опасности в неизвестность. Он не знал, что ждет его впереди. Он надеялся пробраться через Румынию в Крым, на Дон. Немецкая оккупация превратилась в оперетку. У немцев свои неприятности. Петлюра скоро рухнет. Настоящую силу он увидел на Дону, там начала формироваться «армия права и порядка». Не быть там — «значит погубить карьеру». Ни о каких идеалах, ни о вере во что-то высокое и священное здесь и речи нет, разговор идет только о карьере, о личной выгоде. Это черта, которая движет его поступками. Он бросает Елену, к которой питает нежность, бросает службу и гетмана, которому недавно поклялся. Бросает Дом, семью, очаг и в страхе перед опасностью бежит в неизвестность. Это понимают братья Турбины. Тальберг все им рассказал, но они вежливо промолчали: «младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка». И долго потом они не могут себе простить, что так вежливо прощались с трусом и подлецом.